

Политика

Перспективы России в Северо-Восточной Азии и предлагаемая стратегия в регионе

© 2013

Ю. Морозов

В статье анализируется значение Северо-Восточной Азии для интересов России, определены региональные вызовы и риски для ее национальных интересов. Предложены возможные направления стратегии РФ в XXI в. в целях укрепления ее роли в СВА и АТР.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, Северо-Восточная Азия, Россия, Китай, Япония, экономика, безопасность.

Мир находится сегодня в состоянии некой турбулентности, связанной с потрясениями на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке. К середине XXI в. на планете может сложиться новая расстановка сил, основанная на доминировании в ключевых регионах мира. Наиболее перспективный из них — АТР и его составная часть — Северо-Восточная Азия (СВА). Для нынешнего глобального лидера Соединенных Штатов этот динамично развивающийся субрегион АТР в последнее время представляет повышенный стратегический интерес. Для другого мирового гиганта — Китая, главного партнера и соперника США — СВА — “домашний” субрегион. Россия, сохраняющая статус значимой региональной державы, ушедшая из СВА после распада СССР, ныне намерена туда вернуться. Вот почему вне зависимости от вектора своего развития СВА в последующие несколько десятилетий будет представлять весомую стратегическую значимость для расстановки сил на планете.

Какие возможности открываются перед Россией в процессе интеграции в субрегион, и какие ограничения существуют здесь для усиления ее геополитического влияния? Сможет ли она вернуть утраченные позиции в СВА и АТР, и что для этого целесообразно сделать в перспективе? Попытаемся разобраться в этом.

Северо-Восточная Азия: глобальный контекст и национальные интересы России

В последние годы СВА превратилась в мощный фактор мирового роста, потребляющий огромное количество энергоносителей и природных ресурсов, и одновременно стала перекрестком геополитических интересов многих держав мира. Его стратегическую важность в XXI в. трудно переоценить — стоит лишь взглянуть на статистику. Если считать ВВП по номинальному курсу, то Китай — это вторая (в 2011 г. примерно

\$6 трлн), Япония — третья (\$5,3 трлн), а Южная Корея — 15-я (\$1,4 трлн) экономики мира. Их совместный ВВП — 20% от общемирового. По объему накопленных прямых иностранных инвестиций КНР также впереди — \$578,8 млрд; у Японии — \$214,9 млрд и у РК — \$127 млрд. Они входят в десятку стран с самым большим объемом внешней торговли (также 20% от общемирового). Если считать, что к этому субрегиону частично относятся США и Канада, то его доля в мировой экономике составляет более 50%, а объем мировых валютных резервов — 40%¹.

При этом нельзя закрывать глаза на то, что в этом субрегионе АТР есть силы, действующие в направлении сохранения факторов дестабилизации обстановки, противостояния и конфронтации между государствами. При определенных условиях здесь сохраняется опасность возгорания конфликтов на почве нерешенных пограничных и территориальных вопросов. Например, КНР, Япония и РК не просто страны с мощной экономикой, но государства, где сильно развиты национальные чувства, а население помнит о былом величии своих стран и об обидах, нанесенными соседями. Эта тройка по уровню затрат на оборону входит в первую десятку стран (15% мировых военных расходов), а отношения между тремя государствами исторически напряженные. Один из примеров — китайско-японское столкновение в 2012 г. из-за островов в Восточно-Китайском море. Ситуация с безопасностью в регионе накалена и из-за разделения Кореи, где Ким Чен Ын усиленно реализует ядерную программу КНДР, а эффективность международных структур, которые могли бы умерить его амбиции, чрезвычайно низка.

Все эти геополитические реалии делают СВА одним из наиболее опасных регионов мира. Здесь не существует системы безопасности, которая была бы выгодна всем государствам субрегиона. В нем есть элементы обеспечения военной безопасности главного мирового игрока — Соединенных Штатов, ориентированные исключительно на интересы Америки и ее союзников — Японии и Южной Кореи. Китай, следующий принципу “неприсоединения к военным альянсам”, обеспечивает свою безопасность собственными силами.

Тем не менее, СВА неизменно привлекает внимание Москвы, рассчитывающей стать здесь одним из ведущих игроков и получить от этого дивиденды и помощь в социально-экономическом возрождении областей, расположенных за Байкалом. Это связано и с тем, что СВА становится эпицентром глобального значения: главные артерии мировой экономики постепенно сдвигаются из Трансатлантики в АТР, где Китай и Япония относятся к двум крупнейшим в мире потребителям энергии, а это несомненный плюс для их северного соседа. Кроме того, вовлечение России в региональную торговлю сможет снизить ее экономическую зависимость от Европы, на которую пока приходится около 50% российского товарооборота. Разработка в 2009 г. стратегии социально-экономического развития регионов к востоку от Байкала, создание Министерства по развитию Дальнего Востока, проведение в 2012 г. во Владивостоке саммита АТЭС — все это подтверждает решимость России восстановить свое влияние в СВА и АТР. Это находит свое отражение и в новой Концепции внешней политики РФ, утвержденной В. Путиным 12 февраля 2013 г.

В ней говорится также, что “Россия намерена активно участвовать в работе по формированию в СВА эффективных механизмов укрепления мира, безопасности, взаимного доверия и взаимовыгодного сотрудничества как регионального компонента новой архитектуры безопасности в АТР”².

Но для реализации этих намерений ей необходимо иметь что-либо притягательное для стран субрегиона, располагать механизмами воздействия на ситуацию в нем в политической и экономической областях и в сфере региональной безопасности.

Преимущества и слабости позиции России в субрегионе

В качестве энергетического поставщика Россия может занять в СВА роль близкую к ключевой. Она может еще возрасти в случае прекращения поставок в страны региона нефти и газа из Персидского залива (например, в результате блокады Малаккского пролива ВМС США и Ирана).

В то же время РФ пока не является органичной частью сложных, переплетающихся цепочек производства и связанных с этим интеграционных процессов в СВА. В отличие от Китая, экономический конек которого дешевая рабочая сила, и от Японии и Южной Кореи, производства которых специализируются на высоких технологиях, Россия не участвует здесь в непосредственном создании конечного продукта и его ценообразовании.

Экономическая Россия находится в сложном положении. За январь—февраль 2013 г. объем промышленного производства в ней сократился на 1,5%. Новые предприятия в стране практически не строятся, основные фонды стареют и работают на пределе своих возможностей³. В российском экспорте резко снизилась доля машинотехнической продукции и увеличилась роль сырьевых товаров. Были утеряны многие традиционные промышленные рынки на Востоке. Российская продукция тяжелой и легкой промышленности, электроники, авиа- и судостроения, сельского хозяйства и других отраслей перестала пользоваться спросом.

Российский эксперт С. Лузянин в статье “Северо-Восточная Азия: внутренние и внешние измерения развития и безопасности”⁴ привел коэффициент интенсивности товаропотоков между Россией и странами СВА. В торговле России практически со всеми ведущими странами региона этот показатель невелик. В 2008 г. в торговле с КНР он равнялся 0,61, с Южной Кореей — 0,58, с Японией — 0,44, с остальными странами — меньше 0,001. Из этого следует вывод, что Россия к 2020 г., видимо, не сможет играть значительной роли в системе экономических отношений в СВА. Кроме того, логистические структуры экспорта и импорта Японии, Китая и Южной Кореи уже выстроены с прицелом на использование своих и прочих транзитных коридоров для экспорта и импорта.

В военно-политической области Россия также не играет в СВА значимой роли. Маловероятно, что Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), действующая в Центрально-Азиатском регионе, где роль Москвы ведущая, может быть пригодна для СВА.

В качестве «ответа» на смещение стратегического присутствия США в сторону Тихого океана в ходе перемещения центра мирового противоборства в АТР Россия стала активно модернизировать и увеличивать Тихоокеанский флот и проводить совместные военно-морские учения с Китаем.

Вместе с тем, у Москвы есть козыри для успешного возвращения в СВА. Это ресурсы Дальнего Востока, где находится 70% природных богатств страны. Одновременно этот регион является емким рынком для импорта промышленного оборудования и товаров ширпотреба. Россия является мировым лидером как минимум в 15 областях высоких технологий⁵. На международном рынке также по-прежнему популярны продукция ВПК РФ и ее космические технологии. Знаком державности России остается ее ядерный потенциал. Она также является постоянным членом Совета Безопасности (СБ) ООН, к голосу которой продолжает прислушиваться мировое сообщество.

Кроме того, в глобальных процессах все большую роль играют транснациональные политические и экономические субъекты и институты, как формальные (МАГАТЭ, ВМБ, МВФ), так и неформальные («G-8 и G-20», БРИКС и РИК), где роль России достаточно весомая. В стратегическом плане Россия является для КНР ее “северным тылом” и альтернативой для поставок энергоресурсов из Персидского залива.

В формирующемся полицентричном мире основное соперничество, судя по всему, несмотря на обширное экономическое взаимодействие, намечается между Вашингтоном и Пекином. Исходя из этого, в обозримой перспективе при решении проблем СВА и АТР следует ожидать своеобразной “борьбы за Россию” между США и Китаем.

Свидетельством заинтересованности Китая в позиции России по проблемам СВА и АТР стал официальный визит в Москву в марте 2013 г. Председателя КНР Си Цзиньпина. На встрече с В. Путиным лидер КНР подчеркнул, что Пекину и Москве не-

обходимо укреплять двустороннее стратегическое партнерство и усиливать координацию по международным и региональным проблемам⁶.

Формально Россия позиционирует себя в АТР, как участник различных организаций региона: с 1994 г. входит в члены регионального форума АСЕАН, с 1998 г. участвует в АТЭС, с 2005 г. — в «АСЕАН + Россия». Однако ее активная политическая роль в этих организациях до недавнего времени не просматривалась. И только в 2012 г. на саммите АТЭС во Владивостоке активность России в АТР и в СВА начала прорисовываться более рельефно. Очевидно, это связано с экономическими целями и, в первую очередь, с переориентацией номенклатуры экспорта энергоносителей.

Саудовская Аравия и Россия ныне являются лидирующими поставщиками нефти, однако запасы ее на планете постепенно истощаются. Намного перспективней выглядит ситуация с газом: Россия и Иран владеют почти 60% мировых запасов газа, объема которых мировому сообществу хватит как минимум до XXII столетия. В перспективе природный газ в качестве энергоносителя вытеснит доминирующую сегодня нефть. Для России это шанс с помощью газового рычага усилить свое геополитическое влияние не только в СВА, но и в АТР. Модернизация дальневосточных газодобывающих областей России будет означать передел геополитического, экономического и политического влияния в регионе в пользу РФ. А пока Дальний Восток России продолжает сохранять ориентацию на ее западную часть.

До недавнего времени достаточно обоснованный проект его развития отсутствовал. Хотя имелись некоторые теоретические наработки относительно будущего этого региона. К примеру, в проектах С. Караганова и Д. Тренина будущее видится в том, чтобы ядром модернизационной стратегии Дальнего Востока было создание некоего транзитного коридора между Находкой, Владивостоком и Хабаровском, с встроенными в него крупными узлами логистики и производства. На ось такого «коридора» могло бы быть "нанизано" все остальное пространство региона — в виде подрядчиков, поставщиков и потребителей. Они также предлагают создать на Дальнем Востоке особую экономическую зону для стимуляции экономической и производственной деятельности его населения. Тем не менее, основной составляющей данного проекта оставалось сохранение транзитной функции Дальнего Востока, через который проходили бы товары в обоих направлениях, не задерживаясь в нем и ограничивая региону возможность участвовать в производственных процессах в СВА.

Сегодня ситуация меняется в лучшую сторону: на экспертном и политическом уровнях была сформулирована идея комплексной экономической интеграции РФ в АТР через Сибирь и Дальний Восток. На Байкальских экономических форумах (2000, 2001 гг.) эта идея получила дополнительное развитие. Правительство приступило к комплексной реализации программы развития регионов. После саммита АТЭС 2012 г. объем целевых федеральных средств был значительно увеличен. Большая часть денег выделена на создание инфраструктуры и подъем промышленных производств в дальневосточных и сибирских субъектах с целью их последующей интеграции в СВА. Но на этом пути существуют региональные вызовы и риски для национальных интересов России.

Региональные вызовы и риски для национальных интересов РФ

Вызовы *экономическим интересам РФ*, с точки зрения социально-экономического развития регионов к востоку от Байкала и их интеграции в экономическую систему СВА, определяются целым рядом факторов.

Во-первых, несбалансированным экономическим взаимодействием России и Китая, которое негативно влияет на торговлю по принципу «рубль-юань» на площадке МВББ и через третьи страны. При этом потери России составляют до 30% от суммы сделки. Большую часть торговли РФ с КНР составляют энергоресурсы, на втором месте

находятся вооружения. Как крупный долговременный покупатель Китай желает выторговать у России более низкие цены на газ, чем среднемировые. Примером являются трудные переговоры Москвы и Пекина о ценах на энергоносители в 2012–2013 гг.

Экспорт энергоносителей будет главным козырем России в усилении ее экономического влияния в СВА и АТР, однако это “палка о двух концах”. Зависимость экономики от экспорта энергоносителей во времена “скачущих” цен на них, нестабильность рынков и кризисность региональной и мировой экономики ставят под угрозу доходность российского бюджета и тормозят модернизацию Сибири и Дальнего Востока.

Другой вызов заключается в решении проблем, связанных с кооперированием этих регионов с СВА в условиях дефицита рабочих и специалистов на Дальнем Востоке. Так, в рамках кооперации с акторами СВА для успешного функционирования предприятий лесного хозяйства, добычи угля и железной руды Сибири и Дальнему Востоку необходимо около 500 тыс. рабочих. Сельское хозяйство дальневосточных районов России также нуждается в увеличении числа земледельцев, по крайней мере, вдвое. Острая нехватка рабочих рук и их привлечение из-за рубежа — проблема, которую следует решать сегодня. При этом до сих пор неясно, кто должен заниматься этим — Министерство по развитию Дальнего Востока или Минэкономразвития и Миграционная служба РФ?

Применительно к дальневосточному региону существует и третий блок проблем, представляющий вызов российским интересам — отсутствие внешних источников финансирования для развития Дальнего Востока и Забайкалья. Большие возможности в представлении России валютных и иных кредитов для этих целей имеет Япония. Однако если она будет оказывать такое содействие, то лишь при условии получения дешевого первичного сырья. С другой стороны, быстро растут южнокорейские инвестиции, и их отраслевой ассортимент расширяется. В 2012 г. взаимная торговля РФ и РК достигла \$27 млрд, а объем накопленных инвестиций РК в экономику РФ и составил на 2013 г. более \$2 млрд. Заявлены впечатляющие проекты вроде транскорейского газопровода, которые способны перевести отношения двух стран на новый уровень. Но они требуют согласования с северокорейской стороной.

В основном же развитию Дальнего Востока препятствуют внутренние проблемы России. Осуществлявшиеся в конце 1990-х гг. различные проекты по модернизации Восточной Сибири и Дальнего Востока не удалось по целому ряду причин: из-за отсутствия или развала инфраструктуры в регионах, правовой неудовлетворенности инвесторов, некомпетентности и бюрократии, коррупции и кланово-мафиозных интересов. Все это отпугивало потенциальных инвесторов. Неудивительно, что иностранные предприниматели нередко сетуют на то, что в России нет твердых, институционально закреплённых правил внешнеэкономической деятельности. Это сдерживает развитие бизнеса между негосударственными компаниями.

Помимо экономических вызовов со стороны субъектов СВА и АТР для фундаментальных интересов России существуют и другие внешние риски.

Среди них — риск *демографического давления* со стороны перенаселённых стран-соседей. Восемь миллионам россиян, живущих к востоку от Байкала, противостоят 130 млн китайцев из четырех северо-восточных провинций КНР, более 125 млн японцев и 75 млн корейцев на юге и севере полуострова. Несмотря на официальные заявления Пекина о том, что КНР не проводит политику “поддержки проникновения граждан КНР на Дальний Восток и в Сибирь”, там происходит процесс постепенной демографической экспансии Китая, чем пользуются некоторые политики, говорящие о “китайской угрозе”. В этих условиях стратегическим вызовом для России станет укрепление суверенитета восточных областей и возможность защищать их в процессе интеграции в экономическую зону СВА.

На территориальную целостность РФ открыто посягает лишь Япония, требующая Южно-Курильские острова. В определенной степени Москва сама спровоциро-

вала подобную позицию Токио, согласившись на существование "территориальных" проблем в Токийской декларации 1993 г. Хотя Россия должна была прямо заявить, что никаких территориальных споров с Японией у нее не существует, а Южные Курилы принадлежат и будут принадлежать только ей. Тем более, что проблема принадлежности островов не мешает японским бизнесменам развивать экономическое сотрудничество с Россией — автомобильные заводы концернов Toyota и Nissan успешно функционируют в РФ. Из этого можно сделать вывод, что проблема "северных территорий" используется тогда, когда это выгодно определенным силам для нагнетания в Японии атмосферы национализма и реваншизма.

В военной области в АТР и СВА для России существуют два вида угроз: традиционные — военные угрозы, распространение ядерного оружия и др.; и нетрадиционные — терроризм и пиратство, трансграничная преступность, экологические и природные бедствия, техногенные катастрофы, наркотрафик и др. Оба перечня постоянно обновляются и пополняются новыми явлениями. Причем нетрадиционные угрозы растут особенно быстро. Так, в перспективе наибольшую опасность представляет появление «катастрофического терроризма» — совершение терактов с применением или угрозой применения оружия массового уничтожения. Будет расти активность «кибертерроризма» — воздействия на компьютерные сети с целью дезорганизовать функционирование важнейших жизнеобеспечивающих систем государства и общества. Примером тому может послужить атака хакеров 28 марта 2013 г. на компьютерную сеть конкурирующей фирмы, которая в тот день вдвое замедлила работу Интернета в масштабах всей планеты.

Потенциал военного конфликта в СВА, который оказывает конкретное влияние на интересы России, сконцентрирован на Корейском полуострове, где ядерное вооружение Северной Кореи привело к гонке обычных вооружений в Южной Корее и Японии. После испытания КНДР ракетно-ядерного оружия в 2013 г., переговоры шести стран по урегулированию ядерной проблемы Северной Кореи зашли в тупик. Равно как и вопрос о нормализации ситуации на полуострове, где противоречия КНДР и РК вышли на уровень не просто регионального, но потенциального глобального конфликта. Однако, как считают некоторые эксперты Института Дальнего Востока РАН, в ближайшей перспективе войны на Корейском полуострове не будет. Сейчас это не выгодно ни КНДР и РК, ни КНР и США⁷.

Базовым в данном случае является китайско-американское соперничество, которое пока носит региональный характер. АТР в настоящее время переживает геополитический сдвиг баланса сил США и Китая, которые, конкурируя между собой за лидерство в азиатской части Тихого океана, генерируют очаги напряженности в регионе.

Тот факт, что к 2025 г. КНР может стать главной военной силой в АТР, что вызывает опасения других стран региона, отношения которых с Китаем будут, вероятно, развиваться по формуле «сосуществование—сотрудничество—соперничество» или, в крайнем случае, «регулируемая конфронтация». В условиях глобализации и растущей взаимозависимости стран в мире, роль прямого применения военной силы в интересах разрешения существующих проблем и конфликтов может уменьшаться по сравнению с иными способами их урегулирования. Уже сегодня западные страны активно практикуют формы военной интервенции под прикрытием международного мандата на проведение миротворческих акций.

В СВА потенциальным объектом таких акций может стать Северная Корея с ее ядерным оружием, периодическими угрозами его применения, хроническим продовольственными проблемами и отсутствием демократических свобод по меркам Запада. Все это чревато закреплением ее в списке стран, где наличествует "гуманитарная катастрофа", требующая международного вмешательства со стороны ООН.

Гуманитарные и миротворческие акции все чаще превращаются в важнейший инструмент управления конфликтами на мировом и региональном уровнях. Именно

здесь у России имеется еще одна «ахиллесова пята». Ныне РФ находится на 11 месте по размеру взноса в бюджет операций ООН, а её участие в миротворческой деятельности по сравнению с прошлым веком существенно сократилось. В рейтинге миротворчества она занимает лишь 45 место, а Китай 12-е.

Предполагаемая стратегия РФ по укреплению роли в СВА и АТР

Анализ развития обстановки в СВА и АТР показывает, что основным партнером России в *экономической области* должен оставаться Китай. Объем двусторонней торговли в \$87, 5 млрд (2012 г.) дает ему это право. Уровень китайских инвестиций в РФ постоянно растет. В марте 2013 г. в Москве было подписано 35 договоренностей по сотрудничеству России и Китая в различных областях, вместо запланированных 17⁸. Кроме того, их объединяют общие внешнеполитические интересы: это многополярный мировой порядок, политическая стабильность в АТР и СВА и военная безопасность на Корейском полуострове. Российско-китайское взаимодействия в ШОС играет ключевую роль в усилиях по сдерживанию экспансии США в Центральной Азии.

Решение существующих проблем и развитие экономического сотрудничества, а также увеличение товарообмена между Россией и Китаем, было бы целесообразно осуществлять во взаимной увязке на двух основных уровнях: на макроуровне между Москвой и Пекином (уровень межправительственных решений и соглашений между крупными предпринимательскими организациями); на региональном и локальном уровнях (решение торговых, производственных и кооперативных проблем в районах, прилегающих к российско-китайской границе) при активном участии министерства по развитию Дальнего Востока РФ и аналогичных структур КНР.

Практический интерес для Китая может представить российский опыт проектирования крупнейших в мире сибирских электростанций и производства самых мощных в мире гидротурбин и генераторов. «Пекин рассматривает атомную энергетику как будущую опору энергоснабжения страны. Но для строительства крупных АЭС ему нужны технологии. И тут россиянам есть что предложить», — заметил накануне визита Си Цзиньпина в Россию в интервью радиостанции DW директор Центра глобальных исследований при Боннском университете Сюэ-у Гу⁹. В целом, взаимовыгодная экономическая и производственная кооперация России и Китая могут стать одной из основ экономической системы СВА.

Треть производства электроэнергии в Японии обеспечивают атомные электростанции, однако после цунами 2011 г. и связанного с этим выброса ядерных материалов в окружающую среду, японская общественность стала смотреть на ядерную энергетику весьма критично. Это может привести в ближайшем будущем к пересмотру модели японского энергообеспечения, и, как следствие, к возрастанию потребления нефти и жидкого газа. Это удобная возможность для России еще больше укрепить свои позиции энергетической державы в СВА. В газопроводном проекте «Сахалин-2», кроме Газпрома и европейских концернов, участвуют также японские концерны Mitsui и Mitsubishi с общей долей инвестиций в 22,5%. Большая часть сжиженного газа из «Сахалина-2» будет направляться в Японию.

По сравнению с Китаем, Японией и Южной Кореей Северная Корея как торговый партнер для России заметной роли не играет, объем торговли обеих стран в 2010 г. составил всего \$62 млн. Переговоры по транскорейскому газопроводу, 700 км которого должны пройти по территории КНДР и который мог бы пополнять ее казну на \$100 млн ежегодно в виде транзитной пошлины, ныне заморожены Сеулом, обвинившим Пхеньян в торпедировании корвета ВМС РК «Чхонан» в 2010 г. Содействие Москвы в снятии этого эмбарго помогло бы достичь России одновременно нескольких целей: дешевой транспортировки российского газа в Южную Корею, ослабление военного противостояния

между РК и КНДР и присоединения Корейского полуострова к системе российских железных дорог.

Представляется, что проблему нахождения внешних источников для финансирования развития Дальнего Востока и Забайкалья можно решить двумя путями. Во-первых, созданием внешним инвестором благоприятного инвестиционного климата, как это делает Китай. При этом — избавиться от “родимых пятен” в области финансово-экономической политики (сложность схем инвестиционных вложений, распределение тендеров “по понятиям и откатам”, бюрократизм и проволочки и т.д.).

Во-вторых, в случае нехватки внешних инвестиций, использовать механизмы предотвращения вывоза из страны финансов в оффшорные зоны (Кипр и другие страны) обеспечения своевременного возврата (а не списания внешних финансовых долгов и займов (как это делает Запад); привлекать в восточные регионы России инвестиции стран БРИКС, либо ОПЕК на обоудовыгодных условиях. Эти пути и их комбинация могли бы пополнить госказну для развития регионов к востоку от Байкала.

Для успешной интеграции России в СВА следовало бы учитывать четыре аспекта.

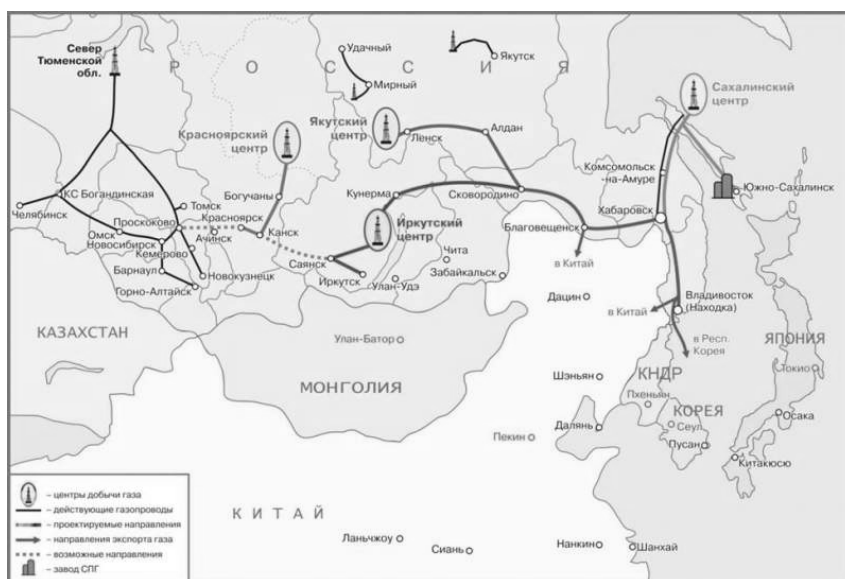

Схема строящихся газотрубопроводов и заводов по сжижению природного газа на востоке России

Во-первых, Россия должна проявлять больше активности в формировании целостной экономической системы субрегиона с ее участием. Возможными направлениями усилий Москвы в этом плане могли бы стать: содействие в ликвидации ограничений в области торгово-экономического обмена, осуществление режима наибольшего благоприятствования для всех экономических объединений, устранение препятствий на пути вступления в них каких-либо государств. Также следует более активно предлагать странам СВА использовать морской путь вдоль северных берегов России. Например, по Северному морскому пути расстояние от Иокогамы до Европы (Санкт Петербург) составляет 7 456 миль; а через Суэцкий канал — почти вдвое длиннее (12 738 миль)¹⁰.

Во-вторых, следует продолжать диверсификацию возможностей восточных регионов РФ в СВА в области энергетики. Базу создадут природные ресурсы для интеграции Дальнего Востока в СВА. Со временем экономику этого российского региона необходимо переориентировать на производство продукции с большей добавочной стоимостью.

В-третьих, целесообразно развитие исследовательских центров типа «Сколково» в других регионах РФ, создание такового на Дальней Востоке, укрепление их связей не только с аналогичными центрами в США, но в АТР в целом. У них может быть много общих программ — как минимум, одинаковая заинтересованность в более глубоком изучении региональных проблем. Для проведения совместных исследований следовало бы при помощи финансовых и научно-технических стимулов сократить отток отечественных ученых за рубеж и восстановить опытно-конструкторские бюро для проведения НИОКР. Это не региональная задача, а общегосударственный императив.

В-четвертых, острую нехватку рабочих рук для развития регионов к востоку от Байкала можно компенсировать двумя способами. Первый связан с более широким привлечением не китайских, а северокаорейских рабочих для успешного функционирования предприятий промышленности и сельского хозяйства дальневосточных районов России. Работая там по контракту, они, в отличие от граждан КНР, гарантированно вернутся к себе на родину. Тем самым будут нивелированы опасения о так называемой “китайской экспансии” на российский Дальний Восток. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны: в 2013 г. квота для найма рабочих из КНДР была увеличена с 20 до 35 тыс. человек. При этом соответствующим ведомствам следует контролировать их деятельность в областях, расположенных за Байкалом, дабы после них там не осталось “выжженное поле” с экологическими и иными проблемами. Второй способ предполагает сделать так, чтобы в менталитете коренных жителей этого региона ушло в прошлое понятие, что “настоящая Россия сосредоточена до Уральских гор”, которую в быту жители Дальнего Востока до сих пор именуют “материком”. А вместо иностранных специалистов — привлекать по контракту отечественных из тех областей и регионов, где наблюдается наибольшая стагнация российской экономики.

Область военно-технического сотрудничества (ВТС) в ближайшее десятилетие останется одним из инструментов внешней и экономической политики России, средством её военно-политического влияния на баланс сил в регионах мира, включая АТР. Для повышения эффективности сотрудничества в области ВТС России целесообразно учитывать особенности этого региона, наличие в нем сильных конкурентов (КНР и США) и использовать их слабые места. Так, развитию ВТС России с Японией и Южной Кореей препятствует влияние на них США. В данном контексте России необходимо выстраивать свою стратегию, наращивая ВТС со странами АСЕАН, которые постоянно увеличивают свои расходы на оборону.

Растущая военная мощь Китая может послужить основой для усиления позиций России в другом субрегионе АТР — в Юго-Восточной Азии (ЮВА). Используя опасения лидеров стран субрегиона по отношению к КНР, Россия может предложить им более тесное сотрудничество в области ВТС где, по мнению руководства этих стран, неприемлемо усиление китайского влияния. Создание сервисных центров может стать первым шагом на пути расширения сотрудничества России и стран ЮВА, что благоприятно скажется на имидже Москвы как долгосрочного партнера. Следующим этапом может стать создание в ряде стран (Индонезия, Малайзия, Вьетнам и др.) совместного с Россией производства, что позволит не только частично снять нагрузку на отечественный ВПК, но и послужит импульсом для НИОКР в оборонной области.

В перспективе в АТР наибольшим спросом будут пользоваться высокоточные системы воздушного и морского базирования, ПВО и тактической ПРО, а также информационные системы. Они представляют собой перспективные направления ВТС: в области ПВО — Россия несомненный мировой лидер, но в области высокоточных и информационных систем, ей еще предстоит завоевать свою нишу.

С одной стороны, это несомненный плюс для перехода российского ОПК на качественно новый уровень развития. С другой стороны, многие российские эксперты опасаются, что может повториться ситуация эпохи “культурной революции”, когда после

создания ОПК и ядерного оружия КНР при активной помощи СССР, Пекин прекратил ВТС с Москвою и начал беззастенчивое копирование отечественных образцов вооружения и техники. Поэтому в областях НИОКР и создания совместных предприятий следует в мельчайших деталях обговаривать с китайской стороной соглашения в этих сферах в целях исключения двоякого толкования партнером их положений. В этом же ключе следует рассматривать и направления научного сотрудничества РФ и КНР, где могут явиться совместные научные разработки в области развития электронно-вычислительной техники, а также создание пакетов программного обеспечения для систем управления. Целесообразно подумать и о программе совместного исследования космического пространства и разработке в этих целях различных видов новейшей космической техники.

В области сохранения региональной безопасности Россия предполагает поддержание широкого сотрудничества, содействие становлению гибких внеблоковых сетевых альянсов, с активным участием в них. В соответствии с политикой в АТР Россия рассматривает механизм Восточноазиатских саммитов как основную площадку для стратегического диалога лидеров по ключевым аспектам безопасности в регионе. Ее усилия на данном направлении следовало бы подкрепить активностью и в других форматах — Региональном форуме АСЕАН по безопасности, БРИКС и РИК. Первый шаг в этом направлении уже сделаны. Так, на саммите стран БРИКС в ЮАР (март 2013 г.) Россия предложила членам этой организации несколько практических направлений, позволяющих сбалансировать диктат западного сообщества в глобальных и региональных делах. При этом неотъемлемой составляющей безопасности в АТР может стать «мягкая сила» членов БРИКС с активным участием Москвы — комплексный инструментальный решения региональных проблем с опорой на экономические, гуманитарные и другие методы и технологии.

В случае прямой угрозы возникновения «горячих» конфликтов в регионе для их ликвидации России не следует быть «ни в чьем стане», ее место — на трибуне ООН и в Совете Безопасности. Российская дипломатия, очевидно, извлекла для себя уроки из недавнего прошлого, когда при невмешательстве Москвы западным странам выдавался мандат ООН для «силового умиротворения» ситуаций на Балканах и в Ливии. Что из этого вышло — всем хорошо известно. Одновременно было бы целесообразно увеличить потенциал российского миротворчества. Тем более, что в Концепции внешней политики РФ сказано «Россия, считая миротворчество действенным инструментом урегулирования вооруженных конфликтов и решения задач в посткризисной стадии, намерена участвовать в миротворческой деятельности под эгидой ООН и в рамках взаимодействия с региональными и международными организациями — будет вносить свой активный вклад в совершенствование потенциала ООН».

Престиж и статус России, её отношения со странами и движениями в АТР в плане региональной безопасности будут определяться не ядерным потенциалом, а эффективностью её сил в миротворческих акциях. Наличие конфликтов в СВА и АТР обуславливает значительное расширение таких операций. Кроме того, в посткризисной стадии у государства-миротворца, участвовавшего в таких операциях, появляется шанс упрочить свои позиции «в новой системе координат». Оперативность и гибкость страны, участвующей в миротворческом процессе, позволяют в этот момент укреплять свои позиции в стране. Вслед за военными начинают «разворачиваться» гуманитарные организации, экономисты, промышленники, приходит частный бизнес страны-миротворца для восстановления экономики и разработки полезных ископаемых (так было в Ливии и в Ираке, где американские компании безоговорочно одерживали победы над конкурентами).

России следует более активно использовать инструментальный миротворчества, позволяющий устанавливать мир в АТР и одновременно обеспечивать реализацию ее национальных интересов в этом стратегически важном регионе мира.

Перспективы российско-американских отношений, пережившие определенный подъем периода «перезагрузки» в первый срок правления Б. Обамы, ныне осложни-

лись из-за целого ряда проблем. Среди них ПРО США, ближневосточный кризис (Сирия), американское вмешательство во внутреннюю политику России. Несмотря на вступление России в ВТО, никакого роста объема взаимной торговли и инвестиций не просматривается. Это касается и перспектив привлечения Вашингтоном на свою сторону Москвы в сфере решения тихоокеанских проблем. Так, в статье «Тихоокеанский век Америки» (2011 г.) госсекретарь США Х. Клинтон Россию не упомянула ни разу. Тем не менее, по мере роста мощи Китая в мире, позиция Вашингтона изменится, и Москве будет предложена новая «перезагрузка отношений», подспудный смысл которой, очевидно, будет заключаться в сдерживании Пекина «по всем фронтам».

В американском истеблишменте многие связывают ухудшение взаимоотношений с возвращением В. Путина на пост Президента РФ. Действительно, у него гораздо более скептическое отношение к Соединенным Штатам, чем у его предшественников, которые верили ничем не подтвержденным обещаниям Вашингтона «учесть позицию Москвы и интересы РФ в региональных делах» (М. Горбачев верил в баланс сил в Европе после вывода оттуда ВС СССР, Б. Ельцин — в «нерасширение» НАТО на Восток, Д. Медведев — в совместное ПРО в Европе). В отличие от них В. Путин дал понять Б. Обаме, что Россия не поддержит новые санкции СБ ООН против Сирии и Ирана. А договоренности, достигнутые Вашингтоном в переговорах с Москвой по эксплуатации «северного пути» снабжения войск в Афганистане, утратят свое значение после 2014 г., когда США выведут оттуда войска.

Есть ли в АТР возможности для стратегического сотрудничества Москвы и Вашингтона с учетом их интересов? Да, потенциал для этого имеется. В дополнение к уже существующему сотрудничеству в решении северокорейской проблемы есть несколько направлений возможного взаимодействия.

Первое связано с перспективой экономического развития регионов к востоку от Байкала. В случае улучшения инвестиционного климата в РФ помимо американской компании Exxon Mobil на Сахалине Россия сможет привлечь на Дальний Восток и другие компании США. Обе страны могли бы способствовать увеличению объема торговли между восточными регионами РФ и американским тихоокеанским побережьем (на них приходится лишь 2% всей внешней торговли РФ — США). Следует рассмотреть возможность кооперации исследовательских центров тихоокеанского побережья США, с аналогичными структурами РФ, КНР, Японии и РК. Подобные инициативы будут способствовать упрочению экономического, торгового и научного сотрудничества сторон в СВА и АТР.

Со стратегической точки зрения стабильность в АТР обеспечит ситуация, когда интересы и амбиции ведущих игроков в регионе будут четко проговорены и понятны противоположным сторонам. Тогда каждая держава поймет, что реализовать свои национальные интересы она сможет лишь в том случае, если они будут в достаточной степени соответствовать интересам остальных региональных держав. Это обуславливает второе направление российско-американского взаимодействия, связанное с сотрудничеством в деле сокращения и нераспространения ядерного оружия в АТР. Ибо если переговоры по ядерному оружию «застопорятся», например, из-за неспособности РФ и США решать иные задачи разоружения (ПРО, тактическое ядерное оружие), то после истечения срока Договора СНВ в 2020 г. усилится разлад международного сотрудничества по ядерному нераспространению. Вполне вероятно более интенсивное наращивание ядерного оружия Китаем, Индией, Пакистаном, окончательное становление в качестве ядерного государства Северной Кореи и расширение числа «пороговых» стран. Это повлечет развал ДНЯО и режимов нераспространения.

Есть и третье направление сотрудничества — совместная борьба с пиратством. "Россия продлевает еще на год свои полномочия по пресечению пиратства у берегов Сомали, включая ее территориальные воды", — заявил представитель РФ при ООН В. Чуркин в ходе дебатов о пиратстве в феврале 2013 г. В марте отряд кораблей Балтийского

флота взял курс на западное побережье африканского континента для обеспечения там безопасности судоходства. В результате международного взаимодействия в этой акватории, включая ВМФ РФ и ВМС США, количество пиратских нападений резко сократилось: если в 2011 г. было зафиксировано 129 атак, то в 2012 г. лишь 19.

России и США также целесообразно более решительно «вклиниваться» в процесс борьбы с терроризмом и наркотрафиком из СВА и способствовать формированию здесь сил, способных противостоять этим угрозам, как это сделано в Центральном-Азиатском регионе. С прогнозируемым ростом международного терроризма и трансграничной преступности будут соответственно расширяться военные контингенты и операции для борьбы с ними. В этой области Москва готова сотрудничать с Вашингтоном, тем более опыт их взаимодействия у них имеется.

Очевидно, что в ближайшей перспективе эти направления сотрудничества России и США целесообразно развивать. Они позволят поддерживать позитивные взаимоотношения между ними. Иначе возможен возврат в эпоху «холодной войны», чем могут воспользоваться иные игроки на геополитическом пространстве АТР.

* * *

В заключении следует отметить, что распространение своего влияния в СВА и АТР соответствует национальным интересам России как европейско-тихоокеанской державы, которая «смотрит» не только на Запад, но склоняется и к взаимодействию с Востоком. Российской власти следует последовательно и скрупулезно восстанавливать свое влияние в субрегионе, решив ряд проблем, главные из которых — внутренние, препятствующие России усиливать свои позиции в СВА и АТР.

И тогда символ РФ — двуглавый орел, чей взор обращен и на Запад и на Восток, будет реально символизировать многовекторность российской политики, суть которой заключается в формировании полицентричной системы международных отношений на глобальном и региональном уровнях.

-
1. Лузянин С. Северо-Восточная Азия: внутренние и внешние измерения развития и безопасности. Перспективы. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=128750>.
 2. Ст. 83.
 3. Аргументы и факты. 2013. № 13. С. 5.
 4. Лузянин С. Северо-Восточная Азия: внутренние и внешние измерения развития и безопасности. Перспективы. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=128750>.
 5. Тезисы выступления Островского А. В. на круглом столе 22 марта 2013 г. в Институте Дальнего Востока РАН «Северо-Восточная Азия: региональные измерения безопасности и российско-китайское сотрудничество // Сборник выступлений. М.: ИДВ РАН, 2013.
 6. Визит Си Цзиньпина в Москву: в центре внимания — прагматическое партнерство // Deutsche Welle. 2013. 22 марта.
 7. Тезисы выступления Жебина А.З. и Асмолова К.В. на круглом столе 22 марта 2013 г. в Институте Дальнего Востока РАН «Северо-Восточная Азия: региональные измерения безопасности и российско-китайское сотрудничество // Там же.
 8. Отношения России и Китая переживают лучший период // Взгляд. URL: <http://www.vz.ru/news/2013/3/22/625486.html>.
 9. Визит Си Цзиньпина в Москву: в центре внимания — прагматическое партнерство // Deutsche Welle. 2013. 22 марта.
 10. Morozov Y. Potential and Problems of Arctic Regions from Russian Point of View // Ani. 2013. March.